

Павел Манжос

**Из песен
рождаются
звёзды – 1**

Философская лирика

Павел Манжос
Из песен рождаются звёзды
– 1. Философская лирика

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23098904
ISBN 9785448375972*

Аннотация

«Философская лирика» – два слова греческого происхождения, которые очень условно отражают суть того, что есть в этой книге. «Просто мысли» – хотел было предложить эти слова в качестве подзаголовка, но это отдаёт позёрством, а хочется поговорить с читателем на очень серьёзные темы искренне и без притворства. Сегодня накопилось слишком много штампованных, трафаретных рассуждений, мысль загнана, как дикий зверь, и единственное спасение для неё – прыжок за флажки – «жажда жизни сильнее!».

Содержание

Autorequiem	6
Sancta simplicitas1	7
Memento mori	9
Адажио Томазо Альбиниони	11
Азбука бытия	13
Азь воздамъ!	15
Архивная правда	17
Баснословие	19
Без Бога	21
Без одиночества нельзя	23
Бессмертие	26
Благодарность	28
Большая перемена	30
В гостях	32
В Начале	35
В поезде	36
В Пятигорске	39
Вавилонская башня	42
Вечерний свет	44
Вдохновение	46
Великий эксперимент	47
Весна на свете!..	49
Война в сердце	51

Возрождение	53
Волшебная палочка	54
Возвышение хама	57
Вопросы	59
Воронежские памятники	61
Где начинается небо?	64
Глаза былого	66
Городской пейзаж	67
Да будет речь!	69
Дальний огонь	70
Девочка лесов	72
Девушка с веткой сирени	74
Девушка с книгой	75
Джордано Бруно	76
Диоген и бочкотара	77
Дорога в никуда	79
Дурман-цветок	81
Дикое поле	83
Душа зимы	85
Души забытых	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

**Из песен рождаются
звёзды – 1
Философская лирика**

Павел Манжос

© Павел Манжос, 2017

ISBN 978-5-4483-7597-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Autorequiem

Я усну – сомкнётся надо мною
Эта синь задумчивых небес.
Я усну – и сердце успокою
Тишиной, которой дышит лес.

И пройдут усталые столетья,
Помянут созвездия иных,
Песнь любви, что не успел допеть я,
Допоют: живые – о живых.

Ну а мне – мне вечно будет сниться
Эта синь задумчивых небес,
Этот край, чьим далям не напиться
Тишины, которой дышит лес...
(1979)

Sancta simplicitas¹

Толпы золотая участь —
Святая её простота.
Ей надо кого-то мучить —
Вот так и распяли Христа.

И стало с тех пор традицией,
Рекою, текущей вспять:
Чтоб было кому молиться,
Надо кого-то распять.

И любит толпа-паскуда
Распятых, как вороньё:
Христа целовал Иуда
От имени её.

Не снять ей с себя проклятья,
Не вымолить Божий перст,
Покуда на всех распятыях
Она не поставит крест.

«Распни Его!» – так кричали
С глазами, как маков цвет,
Но тех, кто молчал в Начале,

¹ Святая простота

Страшней и поныне нет.

(21 декабря 1991)

Memento mori

Будет на свете минута
Успокоенья огня:
Горестно, быстро и круто
Больше не будет меня.

Будет стремительно литься
Свет золотистой струёй
На омрачённые лица
И на пустое – моё.

Кто-то вдали будет светел,
Кто-то – печален и тих.
То, чем при жизни я бредил,
Явью грядёт для живых.

Девушке, будто опешив,
Робко присев на скамью,
Юноша, вдруг покрасневший,
Скажет святое «люблю».

Девушка вскинет ресницы,
Бровью сведённой маня,
Будет весна, будут птицы...
Только не будет меня.

Долго ль портрет мой обрамить
Жизни, что новью полна?
Лишь бы была эта память
Ей, а не камню нужна,

Лишь бы в опушинах ветел
Птичья жила трескотня,
Лишь бы не камень заметил
То, что не стало меня!

(1980)

Адажио Томазо Альбиниони

Мир, юный и прекрасный,
Мир, радостный и разный,
Там, в солнечной дали,
Там, на краю земли,
Ждёт, радужно лучась,
Не нас.

Мы – только на мгновенье,
Мы – только отраженье,
Он – музыка времён,
Он – вечен и влюблён,
Он – жребий наш земной
Иной.

Знают его глубину
Глаза мадонн,
Глаза детей, что забыли войну,
И глаза тех солдат,
Что из камня глядят.

Мир доброго единства,
Мир счастья материнства,
Мир звёздной высоты,
Мир утренней мечты
Льёт к нам сквозь тучи лет

Свой чистый свет.

(1979)

Азбука бытия

Странное это счастье —
Знать, как цветут цветы,
Видеть земное небо,
Полное высоты.

Сколько б ни жил на свете,
Трудно привыкнуть мне
К млечно-зелёной роще
В зыбком рассветном сне.

К нежной купели взгляда,
Где крещена любовь,
К песне в твоей улыбке
Не подберу я слов.

И, не успев привыкнуть,
Так и сойду во тьму,
Где не доступны звёзды
Гаснущему уму.

Знаю светло и горько:
Смертна душа моя,
И тороплюсь учиться
Азбуке бытия.

(1987)

Азъ воздамъ!

Демагоги были не боги,
Демагоги сделали ноги,
Кое-кто – на «матросский» матрас.
Демократы латают заплаты.
Эх, ребята! Мы все виноваты,
Невиновного нет среди нас.
О зарплате кричим без расплаты,
Все одним заклинаньем закляты,
И один уготован нам час.

Невиновных забили ГУЛАГом,
Невиновные спят по оврагам,
За вины небытьём заплатив.
Мы не верим истлевшим бумагам,
Смотрим в рот иностранным парням,
В зарубежный уйдя детектив.
Путь особый знаком бедолагам —
Под трехцветным развёрнутым флагом
Топать в пропасть ускоренным шагом,
Напевая избитый мотив.

А за мщеньем последует мщенье, —
Никому не воздастся прощенье
За преступность деяний и дум.

За беспамятство, за поношенье,
За холодную ложь отреченья,
За программный и дьявольский ум.
Но святое молю провиденье:
«Палача да постигнет сомненье!
За вселенское самосожженье
Ты прости нас, отец Аввакум!»

(16 февраля 1992)

Архивная правда

*Узнавать правду больно, но необходимо.
Из телепередачи.*

Как твои одежды ни стирай,
Чище ты, страна моя, не станешь:
Чтоб в твоём аду содеять рай,
Не поможет «Тайд», ни даже «Ваниш».

Правда, как и прежде, не нужна,
Счёта нет надежд опавшим листьям,
И твоя Кремлевская стена —
Кладбище кирпичное для истин.

Правда! Ею свет наш не обжит,
Нет ей ни ночлега, ни обеда.
Выдаче, как встарь, не подлежит
Поражение – лишь одна победа.

А победа – что с неё возьмёшь?
Гром победный – в мамонтовых бивнях.
И в сердцах владычествует ложь —
Правда в крепостях живет архивных.

Да и там лжепрописи в цене:

«Дал Руси исток воитель Рюрик»,
И неподготовленность к войне
Старый проповедует ханурик.

«Раньше было лучше», – говорят,
«Раньше было лучше», – вторит эхо.
Значит, не последний пройден ад,
Значит, будет новая потеха.

(1 августа 2010)

Баснословие

Есть такая слепая наука,
От которой земле злая мука:
Всех лишает ума и здоровья,
А зовётся она – баснословие.

И Европа, Америка, Азия,
Поклоняются до безобразия
Её выводам и положениям
С чувствожаром и умоброжением.

Вот глаголет подобье ханурика,
Что, мол, Русь происходит от Рюрика,
Что крещенье Владимира – благо
И про необходимость Гулага.

Врёт какой-то индеец горластый
Про основы деленья на касты,
Тот, в делах и сужденьях неистов,
В личных бедах винит сионистов.

Врёт в буддийских учениях лоций
Об отказе от чувств и эмоций,
И зовёт вероложец незванный,
В вечный мир внежеланной нирваны.

Пишет некий пиит петербургский,
Очень гордый, что в принципе – русский:
«Царь был добрый, он спас морехода»,
И... плевать, что забил полнарода.

Кто-то впавший в витийство и жречество
Врёт, что Сталин —
спаситель Отечества...
Как заутреням, как и обедням,
Несть конца баснословия бредням.

И орут, и визжат до истерики
Про злодейства и козни Америки,
И про выбор Адама греховный,
И про Запад, такой бездуховный.

Не мирами – да хрен бы и прах с ними —
Правят черти мозгами несчастными!
Всё, что взял ты, и всё, что припас я
Вместо мысли, – коварная басня.

И, когда призовет нас Всевышний
На Свой суд... нет, братишка, шалишь, мы
И тогда осознать не сумеем,
Что доверились басням-бредням.

(22 ноября 2015)

Без Бога

Ах, нет души, и Бога нет,
И звёзды... Нет, не аметисты.
Мы знаем всё про белый свет,
С пелёнок самых атеисты.

И не пьянит нас высота,
И не страшат нас катаклизмы,
И слишком чётко неспроста
В нас бьются биомеханизмы.

Иной ушёл в водковорот,
Она распущена, растлен он,
Орёт: «За Сталина!» урод,
Другой смердит: «Вот встал бы Ленин!»

Церквями полнится страна,
Пред служкой стягивает шапку,
Но нет страшнее веруна,
Что за Христа порвёт, как тряпку.

Безмозглый быдлоконтингент!
Твоё вместилище – помойка,
Твой президент – Грядущий Мент
И с перепоя перестройка.

(1986 – 1992)

Без одиночества нельзя

Лишь один ночи стон
Стоит в ушах от беспросветной тишины,
Лишь одиночеством
Мои раздумия полночные полны.

Неотвратимое!
Из круга вырваться дай стрелке часовой!
Не отвори моё
Очарованье непрочитанной главой!

В тени целуются,

А я целую сонные слова:
«Темница улица,
Лампадою моя в ней голова».

Но нет, в ней тенью я
У ног желанных протираюсь ниц.
Но вдруг – видение:
Толпится очередь. Как много разных лиц!

Нашёл знакомое.
Ах, вот души слепое торжество!
Тяжёл закон её:
Имея всё, желать лишь одного.

Виват пророчествам!
Меня зовёт приятель из толпы:
«За одиночеством
Что ж не становишься ты в очередь судьбы?»

Ан бедность тянется!
Тебе твоё достанется, не трусь,
А не достанется —
Я одиночеством с тобою поделюсь.

Зачем на смену дню
Приходит к нам мечтательная ночь?
Общенью сменную
Мы одиночества пьём радость, одиноч...»

И странно-явственный
Растаял образ, как и родился,
И стало ясно мне:
Как без себя, без одиночества нельзя.

(1979)

Бессмертие

Когда мы уходим —
Что остаётся от нас?
Неужели одни лишь могилы?
Неужели он так безысходен —
Тот божественный час,
Что познать не смогли мы?

Неужели и вправду:
На пока, не навек
Мы – на дереве слабые листья?
Ради бога, не надо:
Это низкий навет
На бессмертие истин!

Удивительность жизни!
Ты мудрей и всеильней смертей,
А в любви – превращений царица.
Вновь в руках меня стисни,
Брось в горнило страстей —
Всё должно повториться!

Пусть и радость, и горе,
Бренной жизни восход и закат
Возродятся, как Фениксов стая,

И в пьянящем задоре
Златоперстый Слепой Музыкант
Вновь симфонии выдаст блистанье!

И почую я снова
И красу, и безбрежность полей,
Рек чешуйные блёстки,
Соловьиное слово,
И курлычущий всхлип журавлей,
И предзимья наброски...
Мне не надо спасенья
Опавшей безлико листвы,

Мне не надо возврата,
Лишь бы ветер осенний
Нёс чистые лики весны
На кобылах крылатых.
Ивы! В плаче-печали
Не свисайте ветвями ко мне —
Ни к чему сожаленья,
Лишь бы ваше молчанье
Проникало в молчанье камней, —
Вы – моё обновленье!

(1989)

Благодарность

Спасибо, жизнь, за это тело,
За то, что случай выпал мне
В нём тосковать осиротело
О недоступной высоте.

Равно за благо и за худо
Прими признательность мою —
За это трепетное чудо —
Быть, удивляясь бытию, —

Как в неба синее бездонье,
В глаза любимой посмотреть,
Взойти над тьмой и пасть звездой,
И в вечность переплавить смерть.

Сквозь перевоплощения терний
Пройдёт душа судьбы большак,
Но эта плоть – не луч вечерний
И на пути не лишний шаг.

Пусть наслаждениями скудно
Судьба питает пламень мой —
Мне дорога, как век, секунда
И, как небесный, свет земной.

(27 ноября 2012)

Большая перемена

Грязь прикинулась звёздной высью,
Дума чёрная – светлой мыслью,
За нарядность сошло нагое,
И представилась счастьем горе,

Показалась неволя раем,
Обозначилась тюрьма – чаем,
Там, где кривда, примстилась правда,
Записалась пером кувалда.

Притворилось коварство честью,
Тень наветная – доброй вестью,
Обернулась молвой базарность,
От похвал расцвела бездарность.

Что же с нами случилось, боже,
Если в зеркале уж – не то же,
А в мечтах завелась угрюмость,
Зреет старость и вянет юность?

В перемен роковой богеме
Затаился недобрый гений.
Стало ясно мне утром этим:
Мы себя, потеряв, не встретим...

(11 декабря 2010)

В гостях
(Песенная переделка
одноименного стихотворения
Н. Жилкина – из предсмертного
сборника стихов 1992 г.)

Я был в гостях. Встречал Рашид —
Пёс милый, в меру злится.
Церквушки маковка тепло
Над домом золотится.

Хозяин – славный старичок:
Душа горит-искрится.
Он всё твердил: «Запоминай,
Ничто не повторится.
Запоминай, запоминай,
Ничто не повторится!»

Как солнца луч его жена —
Светла её улыбка.
Ему для радости дана,
Как золотая рыбка.
А фотографий сколько здесь!
А время дальше мчится...
Запоминай, запоминай,
Ничто не повторится!

Подолгу смотрит на портрет
Своей супруги первой.
Глаза в слезах у старика:
Шалют больные нервы.
Она так рано умерла...
Ах, жизнь, ты не водица!
Запоминай, запоминай,
Ничто не повторится!

Здесь чёрный Шива в книжной мгле,
Иконы, статуэтки.
Но не хватает на столе
Черёмуховой ветки.

Открыто в прошлое окно,
Скрипит мне половица:
«Запоминай, запоминай,
Ничто не повторится!»

(2007)

В Начале

Не верю я книге суровой
И хмурю над книгой бровь:
В Начале было не Слово —
В Начале была Любовь.

Она создала все были
И небыли бытия,
Да дети реки забыли
Об истинности ручья.

И нам невдомёк, плечистым,
Спешащим за горизонт,
Что прежде ручьём пречистым
Бил шумно-великий Понт

(1985)

В поезде

Голос вагонов —
железный и жёсткий.
Тени и тени
как гулкие стены,
А за шлагбаумами —
перекрёстки,
А за обыденностью —
перемены.

Новое, светлое
ждёт поминутно —
Там, за разъездом ли,
за полустанком.
Словно к земле
уцелевшее судно,
Поезд летит
к огонькам и стоянкам.

Только бы истину,
самую суть бы,
Не растерять
в этом теле железном!
Грезят в вагонах
обычные судьбы

О необыденном,
о неизвестном.

Знойное поле
мечтает о снеге,
Долгая ночь —
о полуденном часе,
Рельсы дорог —
о стремительном беге,
Сердце – о счастье,
и только – о счастье.

Как отыскать
в мимолётности века
Только своё,
не миражное чудо?
Скоро ли ты,
долгожданная веха,
Где ожидание просто и мудро?

Мимо – деревья,
деревья, деревья,
Мимо – вагоны,
и станции – мимо.
Если бы,
неумолимое время,
Ты не стремилось
так неумолимо!

Вот бы на миг —
хоть на миг – заглянуть бы
В душу дороги,
да времени нету,
И остаются
обычными судьбы,
Переносясь
от заката к рассвету.

Цель без дороги —
ответ без вопроса,
Брезжит за далью
пустынная даль же,
Катят и катят
стальные колёса,
Шепчут колеса:
«Что дальше?..
что дальше?..»

(1982)

В Пятигорске

«...В Пятигорске имелась целая группа влиятельных врагов Лермонтова во главе с генеральшей Мерлини. «Они действительно интриговали, пытались стравить с поэтом других офицеров (например, молодого Лисаневича). В конце концов, болезненно самолюбивого, комплексующего Мартынова завести удалось». («Аргументы недели», 12 июля 2012.) «С близкого расстояния выстрелил в сидящего на лошади поэта (потому такой угол проникновения пули через тело). После чего бросился к Глебову: «Выручай, была дуэль с Лермонтовым без секундантов. Я его убил!..»

Тамара ДАДИАНОВА, доктор философских наук, профессор филологических наук. Тайны Михаила Лермонтова. Республиканская газета «Южная Осетия» №128, 10 октября 2013 г.

Опять туман на сумрачном Бештау...
Уступы вековечные багря,
Холодная июньская заря
Прошлась росой по сонному каштану.

Но минул час – и нет уже тумана,
Лишь облака разорванно летят,
И небеса ожившие глядят
На пять голов земного великана.

Долины расплетённая корзина,
Эола арфа, трав зелёный плед...
Но дорог этот край невыразимо
Мне тем, что так любил его поэт.

Я снова здесь. Нелепая болезнь
Случайно привела меня к Железной,
Но жизнь его, как прерванная песнь,
Давно звала из сумеречной бездны.

Я рано был бедою ослеплён,
Я в детстве знал недетские печали,
Но вот он, клён – его встречавший клён,
Чьи ветви думы вечные качали!

Пора свои печали завершать:
Своя утрата – это ли утрата?
Я счастлив тем же воздухом дышать,
Которым он дышал и жил когда-то.

И для меня особый альпинизм —
Бродить по тропам в утреннюю пору,
Где он лечил проклятый ревматизм
Упрямым восхождением на гору.

И пусть твердят о нарушении правил,
Мартынов-де был колкостью задет —
Он ничего на память не оставил,

Лишь пулю – ту и тот лишь – пистолет.

Убит... Ещё один. Нелепый случай —
Прибытие актёра на Кавказ?
Поэты гибнут смертью неминуемой
От зависти преследующих глаз.

Но эта смерть – из тех, когда нельзя
Не думать об искусстве лицедеёв.
Спектакль у них на славу удался:
Убит? Убит! Иначе, чем Рылеев.

Вот мостовая, знавшая его,
Вот домик, ставший маленьким музеем,
Мы на него отчаянно глазеем,
Не находя такого ничего.

Но там, внутри, он думал и творил
Большой роман о странном офицере,
Который, не мечтая о карьере,
Героем стал, хоть свет не покори́л.

И то, что вечно, вовсе не старо:
Пусть этот миг не вечен под рукою,
Но белое невечное перо
Всё ищет встречи с вечною строкою...

(1983)

Вавилонская башня

Мы строили путь осиянный,
До неба добраться хотели,
Но стали чужими друг другу, —
Так сделал разгневанный Бог.
Понять мы не в силах ни слова
Из тех, что другие глаголят,
Мы только себя понимаем, —
Так сделал разгневанный Бог.

Тяжка ты, верховная кара!
Ведь нынче – что башня до неба! —
Халупу, и ту не построишь,
На разных крича языках.
О гордости, чести и славе,
О верности и благородстве,
О долге, о правде, о мире
На разных крича языках.

Все сдвинулись прежние меры,
Все стёрлись былые значенья,
Лишь деньги не вырвала буря,
Но деньги не меряют всего.
Великий хаос в Вавилоне
От грешного столпотворенья,

Великая купля-продажа,
Но деньги не меряют всего.

Несладко и с золотом нищим.
Мы с грустью теперь вспоминаем:
Был песней, связующей души,
Потерянный общий язык.
Когда-то ещё мы отыщем
Согласья чарующий раем,
Ласкающий грубые уши
Потерянный общий язык!

(1985, Трускавец)

Вечерний свет

Кому-то выпало сберечь,
Кому-то – нет
Неопалимых наших свеч
Вечерний свет.

Кому – прийти, кому – уйти,
Забыв гербы,
И свой у каждого в пути
Маяк судьбы.

Не строить неба звёздный храм
Тьме-пелене,

Не рассказать степным ветрам
О тишине,

И каждый неисповедим
Наш век иль час...
Пустым словам не предадим
Того, что в нас.

Священна душ ночная мгла
И их мятеж,
И даже горькая зола
Былых надежд.

Мы сохраним в своей тени
И явь, и бред,
И да согреет наши дни
Вечерний свет!

Пусть память режут на ремни,
Пусть смех – в ответ,
Ты нас спаси и сохрани,
Вечерний свет!

(1986)

Вдохновение

Оно прилетает ко мне
В пурпурно-горячем атласе,
Оно преподносит вина
Хрустально-воздушный бокал.
Я пью вековое вино,
Имея мгновенье в запасе,
Чтоб крылья расправить – и в путь,
В страну многомерных зеркал!..

Без той, без другой, стороны
На этой – ни правды, ни смысла.
И, стало быть, сердцу нужна
Стихов заповедная вязь.
Она из забытых глубин
Достанет волшебные числа,
Чтоб Вед золотистая нить
Меж нами не оборвалась.

(1992)

Великий эксперимент (К одноименной картине Ильи Глазунова)

Вы шли не туда,
и строили вы не то,
Из тёплых квартир
выводили вас без пальто
И лгать заставляли
во имя святых начал,
А Бог милосердный
оглохшим сердцам кричал.

А Бог милосердный
печально глядел с небес,
Как празднует в храмах
взбесившийся красный бес,
И плакал от боли
за вас оскорблённый Бог,
И слышали стены
горящей иконы вздох.

И вновь вы хотите
детей своих обмануть:
Ошибки, мол, были,

но, в общем-то, верен путь —
Тот путь миллионов,
сгоревших в котле войны,
Тот путь миллионов,
замученных без вины,
Тот путь миллионов,
швырнувших себя в костёр,
Лишь вождь и учитель
железную длань простёр.

Ужасная вера —
в божественный сан Иуд,
Ужасная пытка —
не помнить про
Страшный суд,
И вечным укором вам
с фото- и кинолент
Глядит ваш кровавый
великий эксперимент.

(1989)

Весна на свете!..

Весна на свете! Шум и звон
Разбуженных проталин,
И всё как будто было сон
Во мраке душных спален.

Весна – на свете и в крови,
В живой фате черешен...
Джордано Бруно не сожгли,
Рылеев не повешен!

И Пушкину великий маг
От смерти дал лекарство,
И царство, бредшее впотьмах,
Не впало в комиссарство.

И соловьи поют взхлёб,
Свистя по-хулигански,
И не всадили пулю в лоб
Тебе, бунтарь рязанский!

Весна! Нет стоптанных штиблет —
Есть «Сильвер» разудалый,
И я не сумрачный поэт,
А так... счастливый малый.

(1989)

Война в сердце

Идёт в моём сердце война:
Враждуют два клана, два мира,
Два света, две яви, два сна —
Мой солнечный храм и квартира.

Не знать примиренья мирам,
Не видно конца устрашеньям:
Квартира и солнечный храм
Стреляют по вечным мишеням.

А я, свою долю кляня,
Кричу им: «Постойте! Довольно!
Ведь вы же убьёте меня!
Мне страшно, мне дико, мне больно!»

Не слышат призывов враги,
И что им мой возглас пустячный! —
Шлифуют солдаты шаги
И насмерть стоят в рукопашной.

Они с фанатичных высот
Холщовых знамён не уронят.
От холода храм не спасёт,
Квартира мой свет похоронит.

И буду я, раненый зверь,
До смерти зализывать раны...
А где-то за сорок земель
Цветут голубые тюльпаны.

(7 декабря 1987)

Возрождение

И сердце прорвало:
растаяла тоска,
И стылый мрак сгорел
огнём безликой жертвы,
И новое тепло
ждёт нового цветка,
И солнце-Моцарт вновь
даёт свои концерты.

И маковки церковей
глядятся в синеву,
Как в зеркало – на миг
очнувшаяся вечность.
И жизнь кричит грачом,
и с жизнью я живу,
И Млечного пути
не иссякает млечность.

(1985)

Волшебная палочка

Волшебная палочка
в куче ненужных вещей
У старой хозяйки
лежала забыто в сарае.
Её обронил где-то
разгорячённый Кощей,
С Иваном Царевичем
будучи в страшном раздрае.

Пруток приглянувшийся
долго хранила она:
Подвязывала помидоры
в подворном масштабе,
Да вот постарела,
и стала теперь не нужна
Для дел огородных
волшебная палочка бабе.

Не знала она, что за сила
была в том прутке;
Не ягоды зрели на стеблях —
природы шедевры
В ответ на молитву,
и в тихом, слепом закутке

Хозяйка из сочных томатов
крутила консервы.

Свозить урожай
помогала лихая родня,
Что вся в один день,
как большая и шумная стая,
Слеталась на грядки,
и было им день ото дня
Всё радостней жить,
подкрепляясь и приобретаая.

Но в спину вступило
и крайний приблизился срок,
Никто из родных не помог
заготовить рассаду,
И еле вставала, больная,
не чувствуя ног,
И с горькой бессонницей
бабе уж не было сладу.

Детей и внучат
вспоминала она по ночам,
И всё сокрушалась:
как жить будут новую зиму?
Вот силы рукам бы
и света угасшим очам,
Тогда бы опять собрались
помидоры в корзину!

Но, видно, мечта была
эта не слишком светла,
Чтоб в жизнь воплотиться,
в костре одиноко сгорая...
Волшебная палочка
сделала всё, что могла,
Оставшись забытой
в гнилом деревенском сарае.

(30 ноября 2012)

Возвышение хама

..А в Смутный год возвысилось хамьё.

Провозгласив всеобщее ничьё,

Оно, свою победу торжествуя

И силу вертухайную почуя,

Воздело свиномордие своё.

И, где сияли храмы, – там гнильё,

Где колосились нивы, – там былё,

Где расцветали сёла, – строй в ружьё

Да за «колючкой» – зэчное рваньё,

Да воровское грает вороньё.

Играя в «классы», наточив копьё,

Всемирный бой затеяло хамьё,

И миллионы нерасцветших жизней,

Забытых, не помянутых на тризне,

Вмиг обратились в пепел и смольё.

Но свои классы есть и у хамья

(Да, собственно, о том и речь моя):

Одно хамьё доносы лихо строчит,

Другое всё великое порочит,

А третье строит «планов громадьё»,
Прекрасно зная: все они – враньё.
Но после возвышения хамья
Нет прежних нот и в песне соловья...

(2004)

Вопросы

Хоть верть-круть,
Хоть круть-верть,
Пройдёшь путь —
Придет смерть.

Взор ям – стыл,
Суров спрос:
«Зачем жил,
Что в мир нёс?»

Какой круг,
Какой стяг?
Кто твой друг,
А кто – враг?

Весом груз
Твоих дел?
Ты был трус
Иль был смел?

Летал вскачь?
Рубил вщеп?
Ты был зряч
Иль был слеп?»

Когда в мир
Ты нёс свет,
Ты был сир,
Но он – нет!

Когда дел
Был благ груз,
Ты был смел,
А враг – трус.

Когда ж зряч
Ты был в смерч —
Тогда плачь
Твоя смерть!

(1979)

Воронежские памятники

Воронеж... Семь улиц Стрелковых
Дивизий, а может быть, восемь.
И мало небес васильковых,
И много – свинцовых, под осень.

Два Ила возвысились гордо,
На въезде – тэ-тридцать-четвёрка,
Солдат, защищающий город,
Из камня его гимнастёрка.

Всё ясно с названьями всеми,
Но мысли как в бешеной скачке:
Зачем обозначен на схеме
Кривой закоулок Землячки?

К чему это? Что за нелепость —
Дать вечность кликухе жиганской!
Была в обиходе свирепость
У дамы той в годы гражданской.

И улица двадцатилетья
Октябрьского перерасчёта
Стегнёт по глазам будто плетью,

Убийц удостоив почёта.

Пол-Пушкина – пол-Воронцова,
Никитин, поникший до дрожи.
А в доме поэта Кольцова —
Шалман золотой молодёжи...

Пусть подлое, в дымке растаяв,
Уйдёт в свои тёмные дали
И бомбометатель Каляев
Исчезнет с лица магистрали!

Пусть скатится лениноидол
К чертям в окаянную пропасть,
И град, с обновившимся видом,
Сметет с себя красную копоть,

И вместо отлитого срама —
Там, в парке, где бегают дети, —
Широкий проспект Мандельштама
Появится в городе-свете.

И съезд воссияет Марины,
И, клёнами жарко аляя,
Овеет красою старинной
Алёши святая аллея.

И набережной Анастасии
Раскроются светлые длани...
Не будет прощенья России,
Не будет спасенья России,
Не будет крещенья России
Без этих высоких названий.

(2009)

Где начинается небо?

Нет выше неба ничего,
Но знать мне хочется давно,
Откуда льётся высь его,
Где начинается оно.

Быть может, там, в разломах тьмы,
Куда не долетает взгляд, —
Краса, какой не знаем мы,
И цвет свободы не измят?

И, может быть, на том краю,
Где страх падения изжит,
Скорей услышат песнь мою,
Чем тот, кто никнет и дрожит?

Там, на Планете Добрых Рук,
Дела и помыслы чисты,
Там нет ни горя, ни разлук
И к правде высятся мосты.

И нет ни лука, ни копья,
И чист огонь, и светел труд,
И там бы встретил я тебя,

Где любят, веруют и ждут.

Нет выше неба ничего,
Но я узнаю всё равно,
Откуда льётся высь его,
Где начинается оно!

(1978)

Глаза бывшего

Как мало на свете тепла,
Как мало на свете весны!
Мгновенье – и жизнь протекла,
И сердцу пора на весы.

Но лишь обернёшься назад,
Посмотришь на тающий путь,
Навстречу – бывшего глаза,
И больше моим не заснуть.

(1986)

Городской пейзаж

Всё тот же пейзаж городской
Рисует дождя акварель,
Всё той же струится рекой
Неон сквозь узорчатость штор,
Всё так же, гудками воспет,
Бессонницу празднует Лель
И предупреждает проспект
Мигающий в ночь светофор.

А тот, кто не спит за рулём,
Врываясь под занавес брызг,
Не ждёт перед мигом-огнём
Спасения от тормозов.
Нет в жёлтом преград и тенёт:
«Езжай, но на свой страх и риск!»
И тот, кто не спит, не уснёт,
От этих напутственных слов.

И брошено в шелесте шин
Так много незнаемых дум,
Невидимых бездн и вершин,
Надежды и боли такой,
Что, если бы мог разгадать
Тревогу мою и беду,

Устал бы и дождь рисовать
Привычный пейзаж городской...

(1979)

Да будет речь!

Пишу стихи неведомо кому,
Шепчу слова, которым нет ответа.
Так шлёт сигнал в космическую тьму,
Ища друзей, забытая планета.

Пятьсот миллиардолетий световых
Преодолеет в поисках приёма
Скупой рассказ о радостях земных:
Как пахнет луг и от дождя – солома...

Пусть знают ТАМ, как милы и теплы
Твоя походка, волосы и плечи.
Я не дождусь письма из этой мглы,
Но в ней да будет свет ожившей речи!

(5 февраля 2002)

Дальний огонь

Когда огонь горит вдали,
Сквозь снег и тьму,
Хотя б пришлось на край земли —
Иди к нему.

Пускай в лицо свистит пурга
В трехпалый свист —
Была б дорога
Да пламень чист.

Легла бы тёплая ладонь

Тебе на грудь,
Но прошлой горечи не тронь —
Забудь, забудь!

Лишь тайна дальнего огня
Да сердца зов
От пустоты спасёт, храня
Завет отцов.

Ничто – второй и третий Рим,
И стольный град:
Для сердца вечный Аркаим
Родней стократ!

Лишь там, за тайной пеленой, —
Вся ширь небес,
И осеняет край родной
Озарный крес.

(27 августа 2013)

Девочка лесов

Поэзия! Ты соткана из снов,
Но одичавшей яви судия.
Поэзия! Ты лесов,
Плетущая надежду у ручья.

Ты веришь тонким профилям богинь
И дышишь нерасказанной красой,
И на глаза поношенных гордынь

Являешься раскрытой и босой.

Ты смелоходишь в душные дома,
Где двери, как и души, – на засов,
И иногда не ведаешь сама,
Что делаешь ты, девочка лесов!

Караешь, неподкупностью губя,
Врачуешь, не взимая сорной мзды,
И не щадишь ни мира, ни себя,
Спускаясь к нам с невидимой звезды.

Мы, смертные, напева не поймём,
Мы, грешные, в свой смысл обращены.
Мы к суете цепями прикуём
Тебя за нарушение тишины.

Но и тогда, в плену у суеты,
Считать не станешь медленных часов,
И на цепях распустятся – цветты
Сплетай надежду, девочка лесов!

(1983)

Девушка с веткой сирени

Обнажённые руки
Держат нежное пламя весны,
Обжечься совсем не боюсь.
Тонкой кистью
Губ коснулась улыбка,
А в глазах – молодое всесилье,
И полощутся юно и гибко
Волос восхищённые крылья.

(1990)

Девушка с книгой

Девушка с книгой в руках!
Вы затерялись в веках!
В мерном круженье Земли
Внуки у вас подросли.

В бешеной смене эпох
Был, говорят, с вами Бог
И остаётся, пока
Книгу листает рука.

Девушка с книгой в руках!
Пусть с сединой на висках —
Сделку вы задним числом
Не заключали со злом.

Милая, всё-таки есть
Правда, гармония, честь...
Память о них – в облаках
С Книгой в небесных руках!

(8 октября 2010)

Рис. Марины Толмачёвой (Симтарин)

Джордано Бруно

Я связан, но глаза свободны!
И, бросив взор из-под чела,
Я вижу, зритель неугодный:
Земля чарующе кругла!

Вдали – рассветная полоска.
Светлей костра она горит!
Земля кругла, но мыслит плоско,
Не понимая, что творит.

Но сквозь запретные каноны,
Сквозь святость рабской простоты
Мой прах прорвётся опалённый
И оживит немые рты!

(1982)

Диоген и бочкотара

Дан скрип отмычек – вору,
Дан перепутью – крест,
Факельный вихрь – жонглёру,
А фараону – перст.

Ветру – святая воля,
Небу – лазурный взгляд,
Крепости – злые колья,
Звонкой кифаре – лад.

Всем на земном просторе

Что-нибудь, да дано,
Только в моей камере
Блещет пустое дно.

Значит, не попадётся
В руки мои старьё,
И самому придётся
Мне выбирать – моё!

(1992)

Дорога в никуда

Дорога в никуда...
Там сушью жжёт вода,
Там – тёмная звезда,
Там – пламя изо льда.

Дорога в никуда...
Там память – без следа,
Не пахнет резеда,
Безлюдны города.

Дорога в никуда...
Там сердце как слюда,
Там призрачны года
И «нет» совпало с «да».

Дорога в никуда...
Там нет любви, стыда,
Закона и суда.
А вдруг мы все – туда?

(1989)

Дурман-цветок

Задул рассвет звезду,
Взглянул в моё окно,
А я чего-то жду,
А мне темным-темно.
Душа как на золе
Дурмана белый цвет...
Я прожил на земле

Двенадцать тысяч бед.

Я знал во мгле начал
Людей печаль и смех,
А те, кого не знал,
Простят мне этот грех.
А той, кого любил
И рисовал во сне,
Уже не хватит сил
Подумать обо мне.

Днём будет в доме свет,
А ночью будет мрак,
И пьяница сосед
Попросит на табак.
Я знаю эту быль,
Я дам ему не в долг:
Он выкурит бутыль
За мой Дурман-цветок!

(1981)

Дикое поле

Воля! Нет светлей подарка,
Чем святое с ней житьё!
Воля! Радостно и жарко
Бьётся сердце от неё!

С ней мы сеяли и жали,
С ней знаком мой древний род —
От бояр-панов бежали,
Провожали от ворот.

Не купились на посулы,
Говорили напрямик,
И дрожали толстосумы
За московский свой ярлык.

Правит ветер в поле диком
Всюду – как ни сторожись!
Пусть в поту, в труде великом,
Но была вольготна жизнь.

И обычаем старинным
Умеряли пришлых прыть,
И рекла Екатерина:
«В Поле беглых не ловить!»

Лишь совок загнал в яругу;
Прадед бил себя в бока
И орал на всю округу:
«Обманули мужика

Краснож... ые бояре!
Был надел, да стал ничей!»
И ругал в хмельном угаре
Лысых и бородачей.

А без воли – что за поле!
Да и как кормить сирот?
И ушел за лучшей долей
Мой крестьянский древний род.

Род не род – одни девчонки!
Две несчастные сестры.
На чужой, на злой сторонке
Были им углы остры.

И теперь, родной до боли
Их угасшему бытью,
Я пою о Диком поле
Песню горькую мою...

(22 ноября 2012)

Душа зимы

Душа зимы чиста, как новая тетрадь.
И горечь, и позор снега её укроют.
Подруга тишины, ты учишь нас молчать,
Входя в палаты снов усталой медсестрою.

Свою ладонь, зима, на лоб мне положи,
Дай мудрости сосны и снежного покоя,
Искристым празднеством глаза заморози
И воздух напои предчувствием левкоя!

Я верую в тебя, как тьма веков назад
В Дажбога своего мой дальний верил предок.
Я чую: в семенах цветущий дремлет сад,
Я знаю: ты исток черёмуховых веток.

(1986)

Души забытых

Сентябрь, золотистый и синий,
К глазам прикоснулся моим,
Лучами пролился косыми,
Огнём запоздалым палим.

И дым от костров духовитых
Летит сквозь ветвей волокно,
И листья, как души забытых,
Стучат и стучат мне в окно.

Из прошлого тёмного мира
Мерцает их тающий взгляд.
А может, по воле факира
Они из цилиндра летят?

Им нет ни конца, ни начала,
И им не к лицу забытьё:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.